

Любовь и печаль мастера

К 50-летию со дня смерти М. А. Булгакова

Спустя полвека после того момента, как 10 марта 1940 года ушел из жизни Михаил Афанасьевич Булгаков, мощная волна его признания достигла у нас, на родине этого гения литературы, апогея. Впервые вышли или на выходе его подробнейшее «Жизнеописание» (автор — М. Чудакова) и собрание сочинений, академический четырехтомник на тему «Булгаков и театр». Иными словами, сейчас Булгаков, наконец-то, предстает перед нами в полном объеме творчества и биографии. И уже несть числа переизданиям его самых знаменитых произведений во главе с «Мастером и Маргаритой», при первом появлении в конце 60-х годов потрясших литературный мир.

Вот уже два с лишним десятилетия Булгаков чтим, читаем самыми разными людьми. Литературоведы и школьники, театр и кинематограф ищут в книгах Булгакова что-то первостепенно важное, интересное для себя. И почти сразу же находят. Тем самым, в числе прочего, доказываются, что Булгаков выше моды, выше сенсации. Его «открыли», на него обратили всеобщее внимание — и не забыли, не отвернулись напрочь ради какого-то другого писателя.

Хотя рядом с Булгаковым можно поставить по меньшей мере с десяток его коллег, его и наших современников, по силе таланта не уступающих Булгакову: Евгений Замятин, Борис Пильняк, Андрей Платонов, Владимир Набоков, Борис Пастернак, Юрий Домбровский, Юрий Трифонов, Василий Аксенов, Андрей Битов, Марсель Пруст, Джеймс Джойс, Роберт Мюзилл, Уильям Фолкнер, Томас Вулф, Герман Гессе, Джон Фаулз, Габриэль Гарсиа Маркес... Каждый из них — как особый, значительный, уникальный мир. Если суметь войти в него, проникнуться им — он надолго не отпускает тебя.

И все же Булгаков по сравнению с ними и другими писателями ближе, роднее, «кровнее». Его и о нем сочинения можно открывать буквально на любой странице — и абсолютно никаких неясностей, пробелов, провалов. Настолько он целен, узнаваем в каждой своей фразе, настолько последователен (разумеется, исходя из собственных впечатлений, но, судя хотя бы по тиражам его книг и исследованиям о нем, это мнение вполне объективно).

Почему же он так накрепко вошел в «плоть и кровь» литературного мироощущения поклонников его таланта, почему мы так искренне сопереживаем всему имеюще-

му к нему отношение? Ответ хотя и прост, да неоднозначен. Судьба Булгакова обусловлена эпохой, в которой он жил; пик судьбы писателя приходится на яростные, сложные, трагические революционные 20-е и 30-е годы. А о них сейчас мы предполагаем подробнейшей ин-

Оказавшись в самом начале 20-х годов на Кавказе с денкинскими войсками, он всерьез подумывал об эмиграции. А последним его драматическим сочинением стал «Батум» — апология молодого Сталина. (Правда, в «Батуме» тоже есть свои плюсы, есть антисталинские

воображения со Сталиным) контрастировало с его положением изгоя-затворника. Его пьесам «закрывали» сценическую дорогу в последний момент, его прозу не печатали. То есть жизнь Булгакова шла вроде бы не за гранью, его не клеймили, допустим, врагом народа. На самом же деле для него самого это был, по существу, откат до грани, до душевного слома, к невозможности хотя бы относительно спокойного существования. Писатель, драматург никак не мог пробиться к читателям и зрителям. Основной смысл жизни сводился к какой-то фатальной, тотальной (обложили со всех сторон) чертовщине, фантазмагории.

Тем крупнее, несломленнее вырисовывается перед нами фигура, личность Булгакова. Впечатления действительности талантом переплавлялись в истинную литературу, приподнимающуюся над этой действительностью и объясняющую саму ее суть (без чего упражнения такого рода попросту смахивают на графоманство).

Причем Булгаков не экспериментировал с текстами, ни в коем случае не выставлял себя модернистом, авангардистом и т. п. Булгаков работал в русле классических культурных, литературных русских (да и общемировых) традиций. То, что он переносил на бумагу, насколько не напоминает в итоге осколки разбитого зеркала, зазеркалье, перевернутое или искривленное пространство, нечто исключительно дробное, фрагментарное, микроскопическое. Наоборот, Булгаков осколки жизни, новой, сложной, неустоявшейся, пытался собрать в одно целое.

Традиционность Булгакова исходит из очевиднейшего факта. Он как собственно писатель — позитивист, оптимист, он — мечтатель, провидец, созидатель. О чем бы он ни писал, он не сокрушал какие-то, может, и старомодные по революционным меркам, но все равно незбылемые духовные и житейские ценности. Он именно показывал их незбылемость, он опирался на них в своих писательских размышлениях. Мечтал о такой гармонии в человеке и вне его, когда любые общекультурные ценности заняли бы по праву извечно принадлежащее им место. Все основные произведения Булгакова пронизаны мечтой о гармонии, о том, чтобы собрать воедино разорванный, полный непримиримых крайностей мир.

В перипетиях гражданской войны («Белая гвардия», «Дни Турбиных») Булгакова не покидает мысль об уютном семейном очаге, о доме,

где не разбиваются сердца и судьбы. Мечтания Булгакова в «Беге» — это библейской проникновенности сны (жанровое определение пьесы) о Родине, детям которой уготован скитальческий удел — но писатель верит, что не навсегда. Мечтатель Булгаков, отрешаясь творчеством от своих суровых буден, свободно путешествует во времени и пространстве, он играет и фантазирует.

Герои Булгакова перемещаются в прошлое («Иван Васильевич») и будущее («Властенство»), попадают на невероятный, окарикатурный и вместе с тем такой знакомый «Багровый остров». Булгаков не просто мечтал, он в известной степени обладал и даром предвидения. Конечно, «Адам и Ева» — не самая лучшая его пьеса. Но в доатомную эру он по сравнению хотя бы с А. Толстым («Аэлита») убедительнее, реальнее вообразил сверхразрушительные последствия эры грядущего оружия, показал, как его мощь гибельным результатом своего действия влияет на взаимоотношения людей.

Литература, сила воображения дали Булгакову то, чего недодала реальность. Так и не побывав во Франции, на которую ему хотелось взглянуть хоть краешком глаза, Булгаков реконструирует жизнь и судьбу Мольера с ощущением подлинного при сем присутствия автора.

Булгаков мог быть открыто социален в фантастических допущениях («Собачье сердце», «Роковые яйца») и вроде бы намеренно асоциален, рисуя картинку нравов нэпманской поры («Зойкина квартира»). Он мог дерзко обнажить мхатовское и литературное закулисье («Записки покойника»). Но при любом раскладе ситуаций и героев Булгаков, по сути, не преувеличивал и не мельчил, не фельетонничал, а по-цартовски свободно импровизировал на тему «Художник, персонаж, эпоха».

И вот, наконец, «Мастер и Маргарита» — венец булгаковских усилий. Несправедливые, обидные, жестоко драматические отношения писателя с действительностью выражены здесь наиболее сложно. Тем не менее при всем опосредствовании и гениальности роман одновременно — и акт житейского отмщения писателя его обидчикам, Булгаков, чьи надежды не оправдало «земное божество», «кремлевский горец», решил искать защиты еще выше, внедрив в ткань произведения о современности «божественные», потусторонние силы. «Мастер и Маргарита» получился итоговым актом писателя в смысле сведения «всех и всяческих счетов» — с пером, бумагой, «глобальной романной формой, с лицами и событиями, вторгшимися в его жизнь».

Так мастер литературы XX века подвел черту под тем, что он любил и что он не принимал, что он завещал любить и не принимать нам.

К. КЛЮТКИН.

формацией. Подобный «информационный взрыв» приблизил к нам события более чем полувековой давности.

Сам же Булгаков в ореоле его эпохи предстает перед нами чрезвычайно притягательным, близким по духу человеку. Его понимаешь, принимаешь, идеализируешь, прощаешь понятные слабости, сочувствуешь ему, равняешься на него. Булгаков — аристократ в лучшем значении слова. Булгаков — это порода, джентльменство, манеры. Он такой, какими бы невольны хотели быть мы сами — немелочными, стойкими, способными вопреки обстоятельствам на нечто значительное.

Булгаков испытал, пережил, переплавил в своих произведениях то, что нам, живущим на исходе XX века, вряд ли удастся, к счастью или несчастью, испытать и совершить. Напряжение, плюсы его жизни сильны и полны до степени, нам и не снившейся.

намеки, точно подмеченные А. Смелянским (см. второе издание его книги «Михаил Булгаков в Художественном театре»).

Приехав с Кавказа в Москву, Булгаков бедствовал, голодал, скитался, подрабатывал как придется в качестве бесправного «пролетария умственного труда». А затем — признание читающей публики («Белая гвардия») и благосклонное внимание МХАТа («Дни Турбиных»), громкие скандалы вокруг его пьес, нарушившие покой, но не поколебавшие литературной репутации писателя. Почти параллельно Булгаков сочиняет шедевры («Кабала святош», «Последние дни», «Мастер и Маргарита») и поневоле, иного выхода прожить нет, служит режиссером-ассистентом МХАТа, либреттистом Большого театра.

Внешнее, минимальное благополучие Булгакова (не попал на архипелаг ГУЛАГ и даже удостоился благожелательного телефонного разго-